

Приходскій листокъ

Свято-Вознесенской церкви

въ городѣ Сакраменто

Западно-Американская епархія

Русская Православная Церковь Заграницей

№ 423

25 сентября/8 октября, 2010 г.

Презумпція вины

Ужъ сколько мы писали о ювенальной юстиціи, а все не покидало нас чувство недосказанности, вѣрнѣе – недопонятости чего-то очень важнаго. Мы чувствовали, что въ этой системѣ есть нѣкая странность, но описать ее сразу не могли. Так нерѣдко бываетъ: чувства опережаютъ мысль. А поскольку въ нашъ рациональный вѣкъ считается несерьезнымъ опираться на чувства, мы не спѣшили – ждали, пока они улягутся, обретутъ нѣкій словесно-логическій каркасъ. И вотъ, похоже, дождались

Въ ювенальной системѣ координатъ у родителей нѣтъ презумпціи невиновности.

Не у какихъ-то отдѣльных, не у тѣхъ, которые уже были замѣчены въ звѣрствахъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, а у всѣхъ! У родителей какъ класса.

Юридическій ликбезъ

Для начала разберемся съ понятіями. Что такое презумпція невиновности и презумпція вины?

«Понятіе презумпціи, – читаемъ въ учебномъ пособіи по теоріи государства и права В.В. Діаконова, – присутствуетъ въ различныхъ правовыхъ институтахъ. Данное понятіе связано съ процессуальнымъ возложеніемъ бремени доказыванія на какую-либо сторону правоотношеній, регулируемыхъ тѣмъ или инымъ институтомъ». Попросту говоря, весь вопросъ въ томъ, кто долженъ доказывать вину, вѣдь слово «презумпція» означаетъ «предположеніе». Принципъ презумпціи невиновности гласитъ, что бремя доказательства лежитъ на сторонѣ обвиненія. Это означаетъ, что обвиняемый не долженъ доказывать свою невиновность, а напротивъ, обвиненіе должно предоставить вескія и юридически безупречныя доказательства вины подсудимаго (обвиняемаго). Мало того, любое обоснованное сомнѣніе въ доказательствахъ трактуется въ пользу обвиняемаго! Пока вина не будетъ доказана, человекъ считается невиновнымъ.

Презумпція невиновности – одинъ изъ основополагающихъ принциповъ уголовного судопроизводства. Она закреплена въ ст. 49 Конституціи РФ и Кодексѣ административно-правовыхъ нарушеній (КОАП) РФ. Эта презумпція призвана защищать людей отъ государства, потому что государство неизмѣримо сильнѣе его обитателя. И чтобы хоть какъ-то сгладить, уменьшить это неравенство, чтобы защитить человека

отъ «наѣзда» государственной машины, которая по причинѣ своей мощности можетъ раздавить его, какъ букашку, въ демократическихъ государствахъ граждане обладаютъ аналогомъ охранной грамоты – презумпціей невиновности.

Въ странахъ же съ тоталитарнымъ или авторитарнымъ режимомъ этотъ принципъ можетъ съ легкостью попирается, а презумпціей невиновности обладаетъ какъ разъ государство. Оно всегда право, а человекъ же долженъ доказывать, что онъ не верблюдъ. Впрочемъ, эти доказательства довольно рѣдко достигаютъ желаемого результата.

Скажемъ, въ демократическомъ государствѣ, чтобы посадить кого-нибудь за шпионажъ, государству недостаточно опереться на чей-то доносъ (въ томъ числѣ анонимный). И, схвативъ человека, нельзя выбивать изъ него показанія. Придется хорошенько потрудиться, незамѣтно собирая улики, чтобы подтвердить такое серьезное обвиненіе неопровержимыми доказательствами. А потомъ еще и въ судѣ постараться, чтобы доказательства не рассыпались и чтобы ловкимъ адвокатамъ не удалось выгородить обвиняемаго.

При тоталитаризмѣ же государству въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать гораздо проще. Во-первыхъ, потому что оно заведомо право. Попробуй только усомниться въ его правотѣ – и тебя тутъ же обвинять въ нелояльности. А граждане фактически всѣ находятся подъ подозрѣніемъ, поскольку каждый можетъ въ любой моментъ превратиться изъ потенциальнаго врага режима въ реальнаго. Поэтому поощряется доносительство, и «сигналъ» считается вполне достаточнымъ основаніемъ для ареста. Со сборомъ уликъ тоже особо не «заморачиваются»: вломилась въ домъ, всѣ тамъ распотрошили, прицепились къ какой-нибудь ерундѣ, объявивъ ее «вещдокомъ», вельѣли собираться – и увезли. А дальше добиваются признанія вины, используя самые

разные приемы. Но и не добившись, все равно могут посадить. Въ такихъ условіяхъ говорить о презумпціи невиновности, даже если она существуетъ на бумагѣ, просто смѣшно.

Презумпція невиновности вкупѣ съ другой – презумпціей разумности дѣйствій и добросовѣстности участниковъ гражданскихъ правоотношеній (которая у насъ закрѣплена въ п. 3 ст. 10 Гражданскаго кодекса РФ) – образуютъ презумпцію добропорядочности участниковъ правоотношеній. Иными словами, изначально предполагается, что граждане свободной страны разумные и хорошіе. А то, что кто-то изъ нихъ «плохой», необходимо серьезно доказывать. Огульные обвиненія народа не допускаются.

Впрочемъ, существуетъ и противоположное понятіе – презумпція вины. Но не въ уголовномъ правѣ, а въ гражданскомъ, гдѣ все не такъ серьезно. Тамъ речь идетъ не о преступленіяхъ, а о разрѣшеніи бытовыхъ споровъ и конфликтовъ между гражданами. Презумпцій вины не такъ ужъ много. Это:

- презумпція вины причинителя вреда,
- презумпція вины должника, нарушившаго обязательство,
- презумпція вины нанимателя при допущеніи имъ ухудшенія нанятаго имущества,
- презумпція вины перевозчика въ утратѣ, недостаткѣ и поврежденіи принятаго къ перевозкѣ груза и багажа,
- презумпція вины комиссіонера за утрату, недостачу или поврежденіе имущества комитента,
- презумпція возможности продажи имущества комиссіонеромъ не по цѣнѣ, назначенной комитентомъ,
- презумпція несоотвѣтствія дѣйствительности свѣденій, порочащихъ честь и достоинство физическихъ и юридическихъ лицъ.

Къ нашему «дѣтскому» вопросу тутъ мало что приложимо. Развѣ что «презумпція вины причинителя вреда». Въ роли причинителя, какъ легко догадаться, тогда выступаютъ отецъ съ матерью. Вмѣстѣ или поодинокѣ.

Уголовники нового типа

Но, во-первыхъ, когда обычно говорятъ о презумпціи причинителя вреда, речь идетъ о нѣкихъ разовыхъ дѣйствіяхъ. О поступкахъ, ограниченныхъ, какъ въ классической драмѣ, временемъ, мѣстомъ и обстоятельствами. Къ примѣру, вашъ автомобиль превысилъ скорость, что было зафиксировано специальной камерой. Вамъ присылаютъ квитанцію на штрафъ. А на самомъ дѣлѣ скорость превысилъ вашъ другъ, которому вы на это время дали поводить свою машину. Но поскольку машина записана на васъ, то презумпція вины тоже относится къ вам. И если вы не хотите платить штрафъ, то вамъ придется доказывать,

что за рулемъ были не вы. Или, допустимъ, ваша семья рѣшила на лѣтнее время сдать городскую квартиру. А квартиранты, веселые ребята, устроили тамъ погромъ: поломали мебель, побили фарфоръ, испачкали стѣны. Въ этомъ случаѣ, естественно, къ лихимъ квартирантамъ примѣнима презумпція вины. Если же они хотятъ избѣжать ответственности, имъ придется доказывать, что въ данное время въ данномъ мѣстѣ ихъ не было, поэтому къ даннымъ обстоятельствамъ (то есть къ погрому въ квартирѣ) причастенъ кто-то другой.

Но если мы примѣняемъ понятіе «презумпція вины причинителя вреда» по отношенію къ родителямъ, классическое тріединство времени, мѣста и обстоятельствъ не работаетъ. Ибо родитель – не временная роль, а постоянная величина, статусъ. Родитель – онъ всегда родитель. При этомъ онъ можетъ снимать квартиру, сидѣть за рулемъ и еще много чѣмъ заниматься, но ни на мгновеніе, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не перестанетъ быть родителемъ. И если примѣнять къ нему презумпцію вины, то она станетъ какъ бы его неотъемлемымъ признакомъ. Что бы, гдѣ и когда ни случилось съ ребенкомъ (до 18 лѣтъ включительно), вина возлагается на родителей. Они, можно сказать, «причинители вреда на постоянной основѣ». Ребенокъ ушибся, получилъ синякъ – въ лучшемъ случаѣ, недосмотръ, а въ худшемъ – будешь отбиваться отъ обвиненій въ жестокомъ обращеніи. Въ Америкѣ у ребенка образовались трещины въ костяхъ изъ-за неправильнаго леченія, которое назначилъ врачъ. И все равно обвинили родителей, а ребенка отняли!

Въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ проводится отработка ювенальныхъ технологий, школьницу, которую мама послала въ 8 часовъ вечера за хлѣбомъ, сбила машина. Слава Богу, дѣвочка серьезно не пострадала. Но мамѣ вмѣнили въ обязанность заплатить штрафъ. Не водитель виноватъ, а родитель: нечего было 11-лѣтнюю дочь въ магазинъ посылать, пусть дома сидитъ. А если на улицу выходитъ, то только держа за руку маму. Хотя въ подавляющемъ большинствѣ російскихъ городовъ, въ отличіе отъ Москвы, дѣти средняго школьнаго возраста ходятъ по улицамъ безъ сопровожденія взрослыхъ. И никакого закона, запрещающаго это передвиженіе (по крайней мѣрѣ, утромъ, днемъ и непозднимъ вечеромъ) нѣтъ. Въ чемъ же тогда криминаль?

Мы такъ давно написали «во-первыхъ», что читатель навѣрняка забылъ про «во-вторыхъ». Авторы и сами чуть не забыли, но вовремя спохватились. И такъ, во-вторыхъ. Какъ уже было сказано, понятіе презумпціи вины существуетъ въ гражданскомъ правѣ, которое не предусматриваетъ суровыхъ наказаній для виновнаго. Штрафъ, та или иная матеріальная компенсация не сопоставимы съ тюрьмой, ссылкой, принудительными работами. И ужъ тѣмъ болѣе съ отнятіемъ дѣтей, которое для многихъ родителей даже хуже тюрьмы.

Получается, что ювенальные законы создают нѣкую новую реальность, этакую жуткую химеру: наказывают родителей сильнѣй, чѣмъ матерыхъ уголовниковъ, и при этомъ лишаютъ презумпціи невиновности?! Какія тамъ «вескія, юридически безупречныя доказательства вины обвиняемаго»? Слова ребенка – въ томъ числѣ (какъ въ исторіи съ Агеевыми) и трехлѣтняго, съ задержкой психического развития, – въ буквальномъ смыслѣ дѣтскаго лепета достаточно для заведенія дѣла, итогомъ которого можетъ стать изъятіе ребенка и даже уголовное наказаніе родителей. А если они, родители, къ своей величайшей радости, отдѣлаются на первый разъ штрафомъ, то все равно попадутъ подъ пристальное, неусыпное наблюдение ювенальныхъ службъ. Они будутъ на особомъ учетѣ, какъ преступники, получившіе условный срокъ. И если попадутся во второй разъ на «ненадлежащемъ обращеніи» съ ребенкомъ, ихъ будутъ судить какъ рецидивистовъ. Съ соответствующими мѣрами наказанія.

«Планъ счастливой жизни»

Очень наглядно это было продемонстрировано въ исторіи Роберта Рантала – восьмилѣтняго мальчика изъ русско-финской семьи. Повздоривъ съ ребятами, онъ заявилъ, что если его будутъ и дальше обижать, онъ уѣдетъ въ Россію. Такая непатріотичная по отношению къ Финляндіи реплика моментально была сочтена плодомъ ненадлежащаго воспитанія. Мальчика помѣстили въ пріютъ. Потомъ, когда поднялся шумъ, русской матери вмѣнили въ вину, что она, по словамъ ребенка, однажды его шлепнула, и пригрозили судомъ. А отцу-финну припомнили, что онъ нѣсколько лѣтъ назадъ обращался къ специалистамъ, желая избавиться отъ вредныхъ привычекъ – табакокурения и пристрастія къ пиву. Чтобы вернуть мальчика, понадобилось вмѣшательство нашего МИДа и срочный вылетъ въ Финляндію уполномоченнаго по правамъ ребенка при Президентѣ РФ Павла Астахова. Но мать и отецъ Рантала такъ просто не отвертелись. Семью, которая совсѣмъ недавно жила тихо-мирно, никого не трогала, теперь будутъ «реабилитировать» и контролировать въ хвостъ и гриву, въ любое время дня и ночи. И программа именуется – гдѣ ты, провидецъ Оруэлль? – «планомъ счастливой жизни». Во всякомъ случаѣ, такъ ее окрестилъ безъ всякаго иронического подтекста нашъ верховный дѣтозащитникъ Павелъ Астаховъ.

Мы наблюдаемъ новую реальность, въ которой родители должны постоянно оправдываться, доказывать, что они не виноваты, что не надо къ нимъ примѣнять карательныя санкціи. Вѣдь это не только въ Финляндіи, а вездѣ, гдѣ существуетъ ЮЮ. Даже въ Америкѣ, которая считаетъ себя эталономъ демократіи и не устаетъ этимъ гордиться, родители де факто

лишены презумпціи невиновности, этой правовой основы демократического государства. Уже одно то, что при малѣйшемъ подозреніи на «плохое обращение съ ребенкомъ» его сперва изымаютъ, а уже потомъ разбираются, требуя отъ родителей доказательствъ ихъ невиновности, въ корнѣ противоречить принципамъ демократіи. «Чаще всего семьи сталкиваются съ этой системой (защиты правъ дѣтей. – И.М., Т.Ш.) послѣ того, какъ на нихъ подають жалобы, – пишетъ живущая въ США психологъ А. Липкина. – Поводомъ для обращенія въ “органы” можетъ быть какъ серьезный проступокъ, такъ и досадная оплошность родителей. Напримѣръ, сосѣди могутъ позвонить въ полицію и сообщить, что малолѣтній ребенокъ оставленъ дома одинъ, безъ присмотра. Либо учительница расскажетъ о томъ, что родители одной изъ ее ученицъ не обеспечиваютъ девочкѣ достойныхъ условій проживанія. Скажемъ, не выдѣляютъ “учебный кабинетъ”. Или воспитательница пожалуется на отца своего воспитанника, замѣтивъ на тѣлѣ малыша синяки или царапины. Всѣ эти дѣйствія родителей именуются въ Америкѣ “плохимъ обращеніемъ съ ребенкомъ”. Формально... – это любое дѣйствіе или бездѣйствіе взрослого, которое приводит къ риску для жизни и здоровья ребенка. Сюда же можно отнести и “эксплуатацію” дѣтей, наприимѣръ принужденіе къ работѣ по дому. И даже причиненіе эмоціональнаго ущербъ при выговорѣ за плохую отмѣтку. Словомъ, въ Америкѣ можно найти массу поводовъ для вторженія государства въ семейныя отношенія. И каждый родитель знаетъ: любой его неосторожный, “непедагогичный” шагъ можетъ навлечь на его голову массу неприятностей... Многихъ родителей оскорбляетъ, что ихъ обязываютъ постоянно доказывать государству: “Мы хорошіе. Мы всѣ дѣлаемъ правильно”» (См.: Дѣти противъ родителей // Женское здоровье. 2010).

Да... Намъ довольно большой отрезокъ жизни довелось прожить въ государствѣ, которое та же Америка клеймила какъ безусловно тоталитарное. Впрочемъ, мы и сами не считали Совѣтскій Союзъ свободной страной. Но не можемъ припомнить, чтобы родители бѣгали и кому-то что-то доказывали. Даже у диссидентовъ, которые не скрывали своей враждебности режиму, дѣтей въ позднесовѣтскій періодъ не отнимали! Самихъ диссидентовъ могли упрятать въ психушку, отправить на посѣленіе или въ лагерь, но родительскія права оставались при нихъ. Болѣе того (сейчасъ это кажется фантастичнымъ), имъ не навязывали никакую «программу соціальной реабилитаціи», не лезли въ семью и не заставляли воспитывать дѣтей въ духѣ марксизма-ленинизма. Конечно, все получали такое воспитаніе въ школѣ, и это очень волновало родителей изъ диссидентскихъ и околодиссидентскихъ круговъ. «А не разовьется ли у ребенка шизофрениа при такой раздвоенности? Вѣдь дома онъ слышитъ одно, а въ школѣ – прямо

противоположное!» – это былъ стандартный поводъ для волненій антисовѣтски настроенныхъ родителей. Но никому не приходило въ голову волноваться изъ-за того, что дѣтей могутъ избавить отъ такой «шизофрениі» при помощи дѣтдома, гдѣ будетъ гарантировано полное идеологическое единообразіе. Зона нового типа

Такъ что же все-таки создается на нашихъ глазахъ въ самыхъ разныхъ странахъ? Вопросъ этотъ въ послѣднее время волнуетъ не только насъ. Вотъ что пишетъ священникъ Максимъ Обуховъ, руководитель извѣстнаго на всю Россію медико-просвѣтительскаго центра «Жизнь»: «Съ ужасомъ читаю новости, какъ съ фронта, о волнѣ похищеній дѣтей, о томъ, какъ у многодѣтныхъ и пріемныхъ семей подъ разными предлогами: бѣдность, нищета, плохія жилищныя условия – забираютъ дѣтей... Я не знаю, что дѣлать, и въ потрясеніи пытаюсь найти аналогію въ исторіи въ какой-нибудь странѣ и въ какое-нибудь время. Бывало ли такое? Живутъ въ домѣ въ аварийномъ состояніи. Бѣдность, нищета. Какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, когда отбирали ребенка, онъ плакалъ, хватался за мать. Ребенку въ дѣтскомъ домѣ запрещаютъ видѣться съ родителями, терроризируютъ угрозами забрать оставшихся... Къ семьямъ примѣняется чудовищная форма насилія: похищенные дѣти воспитываются на иныхъ принципахъ и цѣнностяхъ, чѣмъ хотятъ родители; да и о какомъ воспитаніи можетъ идти речь, если дѣтей лишаютъ даже возможности видѣться съ семьей?.. Причемъ на содержаніе аппарата по контролю уходитъ немало денегъ, которые можно было бы потратить съ большей пользой. Какой статусъ у этихъ отобранныхъ дѣтей? Временно въ изоляціи? Дѣти въ госсобственности? Арестованные? Заложники? Военноплѣнные? Когда было подобное? Во времена гоненій на христіанъ въ Римской имперіи? Я объ этомъ не слышалъ. Въ совѣтское время? Не было даже въ самыя лютыя времена. Дѣти попадали въ дѣтскіе дома, но послѣ того, какъ погибли или были репрессированы ихъ родители. Нѣтъ, въ совѣтское время не было, хотя въ ранній періодъ воцаренія самой экстремистской формы коммунизма, сразу послѣ революціи, была идея о томъ, что семья должна быть разрушена, а дѣти являются собственностью государства... Что-то похожее, но не совсѣмъ, и быстро закончилось. Во времена Османской имперіи воины ислама похищали христіанскихъ мальчиковъ, воспитывали ихъ въ антихристіанскомъ духѣ въ специально отведенныхъ “интернатахъ” и дѣлали изъ нихъ борцовъ противъ христіанства; кажется, было именно такъ. Но Османская имперія потерпела историческое поражение и преобразилась въ свѣтское государство. Да, еще фашисты. Похищали дѣтей и использовали ихъ какъ доноровъ крови, а тѣхъ, кто постарше, – какъ рабовъ, но они были своего рода военноплѣнные. Да, это было... Но фашисты терроризировали чужой народъ. Славянъ, которыхъ

они считали врагомъ и воевали противъ насъ. Мнѣ почему-то вспомнилась моя семья во время войны. По обрывкамъ воспоминаній, услышанныхъ въ теченіе жизни, я возстановилъ картину періода оккупациі. Жили въ старомъ, бѣдномъ домѣ, а моя мама (ей было 3 года) находилась въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ нынѣшнія жертвы гиперопеки государства. Нищета, лохмотья, голодъ и вши. Простой деревенскій домъ находился на линіи фронта. Прятались отъ бомбежекъ въ какой-то ямѣ. Потомъ была оккупациа... Фашистовъ моя нищяя семья въ ихъ бѣдной хатѣ не интересовала. Никто не интересовался тѣмъ, что имъ нечего (или есть чего) поѣсть; не было дѣла до того, ходятъ ли они въ школу или нѣтъ; и тѣмъ болѣе нацисты не интересовались санитарнымъ состояніемъ нашего дома. И спасибо имъ за это! Потому что будь тогда у фашистовъ соответствующая структура по защитѣ правъ ребенка, мою маму забрали бы изъ семьи, и она никогда бы не стала такимъ успѣшнымъ человѣкомъ, какимъ стала впоследствии, послѣ войны. Спасибо и совѣтской власти, что совѣтскимъ чиновникамъ не пришлось въ голову отнимать дѣтей за бѣдность, въ которой они не виновны. Благодаря этому я и существую».

Отецъ Максимъ правъ: ювенальное изъятіе дѣтей ближе всего къ фашизму. Но гитлеровцы, какъ онъ справедливо отмѣчаетъ, отбирали дѣтей не у своего народа, а у тѣхъ, кого пытались завоевать. У враговъ. Естественно, въ контекстѣ войны какая можетъ быть презумпціа невиновности у врага? Народъ враждебной страны автоматически находится подъ подозреніемъ. Онъ виновенъ уже тѣмъ, что онъ живъ.

Хотя война, концлагерь (такая аналогія тоже напрашивается) ущемляютъ не только свободы, но и так называемыя витальныя потребности человѣка: въ ѣдѣ, теплѣ, отдыхѣ и т.п. А тутъ – пожалуйста, никто тебя не стесняетъ. Ходи куда хочешь, покупай, что по карману, работай, отдыхай, развлекайся. Вродѣ бы ты свободенъ и въ то же время всегда подъ подозреніемъ. Въдѣ что такое камеры слеженія на каждомъ углу или досмотръ всѣхъ пассажировъ въ аэропорту, когда женщины и мужчины торопливо раздѣваются и разуваются, а потомъ, покорно поднявъ руки вверхъ, позволяютъ себя обыскивать? Это отношеніе ко всѣмъ людямъ какъ къ потенциальнымъ преступникамъ. Снятіе отпечатковъ пальцевъ еще недавно считалось въ демократическихъ государствахъ унижительной процедурой, подвергнуть которой имѣли право только подозреваемыхъ въ совершеніи уголовного преступленія. Теперь во многихъ странахъ съ «развитой демократіей» это стандартная процедура для всѣхъ.

Когда къ намъ попадали въ руки программы профилактики наркоманіи или СПИДа, мы въ основномъ фиксировались на скрытой пропагандѣ того, противъ чего якобы были направлены эти программы, или на грубыхъ непристойностяхъ подѣ

видомъ санитарнаго просвѣщенія. Но помнится, уже тогда настораживалъ старательно вдалбливаемый постулатъ: «Наркоманомъ можетъ стать каждый», «СПИДомъ можетъ заболеть любой». Мы не сразу смогли понять, что въ этомъ такъ смущало. Въдѣ теоретически, дѣйствительно, отъ тюрьмы да отъ сумы не зарекайся, съ каждымъ можетъ случиться, судьба – индейка... И вотъ теперѣ все наконецъ прояснилось. Подобные постулаты невозможны въ обществѣ, гдѣ реально сохраняется презумпція невиновности и добропорядочности гражданъ. Невозможны потому, что оскорбительны.

«Какъ вы смѣете меня обыскивать?!» – сей возмущенный возгласъ не выглядитъ смѣшнымъ въ мѣрѣ, гдѣ не утрачено понятіе чести и достоинства (презумпція добропорядочности какъ разъ и есть юридическое выраженіе этого понятія), а напротивъ, вызываетъ живой откликъ и сочувствіе. А вотъ въ зонѣ подобный возгласъ будетъ встрѣченъ гомерическимъ хохотомъ. Трудно объяснить (по крайней мѣрѣ, намъ), какъ, когда и почему западный мѣрѣ, такъ дорожившій всегда личной свободой и такъ яростно ее завоевывавшій, отдрейфовалъ къ обитанію въ зонѣ. Въ зонѣ нового типа: комфортной и даже съ возможностью развлеченій, но все-таки – зонѣ. Быть может, сыграла роль пропаганда вседозволенности, то есть ненаказуемости грѣха. Большинство людей въ такихъ условіяхъ поддается пропагандѣ и становится соучастниками. А значитъ, въ глубинѣ души – тамъ, гдѣ таится совѣсть, – уже не чувствуетъ за собой моральнаго права считаться добропорядочнымъ гражданиномъ. Государство своимъ мелкимъ попустительствомъ, своими подачками заманило человѣка въ ловушку. И люди сдали личную свободу безъ боя. Даже, кажется, безъ сожаленія.

«Какъ ни сложно это представить въ Россіи, – читаемъ мы въ статьѣ Николая Зубкова и Александра Куколевскаго «Бронзовый мальчикъ», опубликованной въ журналѣ «Коммерсантъ-Власть» (2010. № 11), – финскія власти дѣйствительно очень трепетно относятся къ правамъ дѣтей. Всѣхъ, внѣ зависимости отъ національности и гражданства. Въ Финляндіи запрещено любое физическое или психологическое насиліе надъ ребенкомъ. Психологическимъ насиліемъ органы опеки могутъ счесть, напримѣръ, воспитаніе ребенка путемъ игнорированія, то есть, попросту говоря, если родители по какимъ-то причинамъ перестали съ нимъ разговаривать.

Что же до насилія физическаго, то даже однократный шлепокъ – уголовное преступленіе. Въ школахъ учителя обязаны проявлять особое вниманіе къ любимымъ синякамъ, царапинамъ, которые могутъ быть обнаружены у дѣтей. И если есть основанія считать, что ребенка дома бьютъ, онъ немедленно изымается изъ семьи и помѣщается въ пріютъ. Дальше органы опеки рѣшаютъ, вернуть ребенка въ семью,

если родители готовы пересмотрѣть свои взгляды на воспитаніе, или лишитъ ихъ родительскихъ правъ по суду.

Въ прошломъ году органы опеки Финляндіи приняли мѣры по защитѣ (читай: изъятію. – И.М., Т.Ш.) 70 тысячъ дѣтей» (это въ Финляндіи, гдѣ дѣтей-то всего котъ наплакалъ! – И.М., Т.Ш.).

Все въ финской дѣтозащитной системѣ мило сердцу нашихъ журналистовъ: «Кромѣ того, финскіе законы довольно строги къ тѣмъ, кто распространяетъ информацію о дѣлахъ, въ которыхъ замѣшаны несовершеннолѣтніе, тѣмъ болѣе если эти дѣла не завершены». То есть люди лишены возможности поднять шумъ и тѣмъ самымъ попытаться повліять на ситуацію.

Нисколько не смущаютъ – и даже, напротивъ, вызываютъ позитивный откликъ у авторовъ – даже такіе, казалось бы, вопиющіе факты: «А въ декабрѣ прошлого года, когда супруги Рантала подали заявленіе о разводѣ (замѣтьте, всего лишь подали заявленіе! – И.М., Т.Ш.), ребенка впервые забрали изъ дома. Черезъ месяцъ, послѣ того какъ родители передумали разводиться, мальчика вернули. (А пока у нихъ было такое намѣреніе, его, разлучивъ съ папой и мамой, держали въ интернатѣ! Представьте себѣ, сколько супружескихъ паръ у насъ собираются разводиться, да и разводятся очень многіе. Значитъ, хорошо, если дѣтей будутъ изолировать отъ такихъ «неблагонамѣренныхъ» родителей? – И.М., Т.Ш.)... Вели-Пекка (отецъ ребенка), будучи не совсѣмъ трезвъ, позвонилъ то ли въ службу опеки, то ли въ полицію и заявилъ, что его жена Инга – плохая мать и занимается рукоприкладствомъ по отношенію къ сыну. Какъ сообщили со словъ Инги Рантала россійскіе дипломаты, потомъ Вели-Пекка пришелъ въ себя и забралъ свое заявленіе, однако представители городскихъ властей на тотъ моментъ уже, похоже, составили мнѣніе о семьѣ Роберта и рѣшили его родителямъ не отдавать (выделено нами. – И.М., Т.Ш.)».

Ну, какъ тутъ не вспомнить унтеръ-офицерскую вдову изъ «Ревизора», которая сама себя высѣкла? Да, настоящая классика – она на все времена! Журналисты либеральнаго изданія, стремясь отвести отъ Финляндіи обвиненія въ русофобіи (дескать, не только у русскихъ отнимаютъ дѣтей! Въ статьѣ даже есть такая, свидѣтельствующая объ истинномъ «интернационализмѣ» авторовъ, фраза: «Для финновъ проблема Рантала мало чѣмъ отличается отъ проблемъ съ дѣтьми цыганъ и дѣвочками изъ семей бѣженцевъ изъ Африки»), рисуютъ картину, которая гораздо больше подошла бы для описанія ужасовъ махроваго тоталитаризма. Еще лѣтъ 15 назадъ невозможно было себѣ представить, что авторы подобнаго журнала будутъ восхищаться такими порядками, установленными на Западѣ. Даже если бъ они знали о нихъ, то сдѣлали бы видъ, что не имѣютъ понятія, рыцарски защищая отъ

поруганія свою даму сердца – западную демократію. А скорѣе, съ негодованіемъ отвергли бы малѣйшіе намѣки на то, что тамъ могутъ попираць свободу. Западъ, какъ жена Цезаря, былъ внѣ подозрѣній.

Загадочный феномен

Теперь же вопіющее пограние свободы личности и частной жизни преподносится какъ нечто совершенно нормальное и даже эталонное. Поистинѣ слѣпа любовь. Вѣдь не нужно быть выдающимся интеллектуаломъ, чтобы понять: когда госорганы подѣ страхомъ изъятія ребенка диктуютъ матери, какъ готовить съ нимъ уроки и въ какомъ быть настроеніи, а при подачѣ заявленія о разводѣ тут же помѣщаютъ сына въ пріютъ, это жизнь уже не въ демократической странѣ, а въ зонѣ. Развѣ что еще под одѣяло не заглядываютъ и не диктуютъ, какъ вести себя въ туалетѣ при «оправкѣ».

Нѣкоторое время назадъ въ интернетѣ появились инструкціи юриста, какъ слѣдуетъ поступать, если къ вамъ нагрянули съ проверкой органы опеки и попечительства. Преподносилось это въ качествѣ весомаго аргумента въ пользу того, что у родителей все-таки есть права, только надо умѣть ихъ защищать. Мы же, ознакомившись, пришли въ ужасъ, поскольку не подозрѣвали, что наше законодательство успѣло до такой степени «ювеналиться». Знаете, что намъ больше всего напомнили эти инструкціи? Въ 1970-е годы (придется снова вспомнить времена нашей юности!) московскіе интеллигенты изъ опредѣленного круга передавали другъ другу инструкціи на папиросной бумагѣ (ее использовали, чтобы можно было побольше экземпляровъ отпечатать подѣ копірку). Тамъ рассказывалось, какъ вести себя на допросѣ, какія права полезно выучить наизусть. Напримѣръ, можно было взять съ собой въ КГБ блокнотъ и ручку и записывать вопросы, которые задаетъ слѣдователь. Помнится, на что-то допрашиваемый имѣлъ право не отвѣчать, сославшись на соответствующую статью Конституціи СССР. Трудно сейчасъ припомнить, на что именно, но такое право имѣло мѣсто. А основная «фишка», кажется, была въ томъ, что дозволялось (если сразу не зналъ, какъ отвѣтить, и хотѣлъ выиграть время) попросить у слѣдователя, чтобы онъ повторилъ вопросъ. Не каждый, конечно, могъ рѣшиться на такую дерзость, но возможность была: инструкцію составляли опытные адвокаты.

Все очень похоже, за исключеніемъ одного: нынѣшніе либералы, родители которыхъ вполне могли принадлежать къ тѣмъ самымъ диссидентскимъ кругамъ, современныя формы тоталитаризма за таковыя не признаютъ. А если даже признаютъ, относятся къ нимъ какъ къ нѣкоей данности, которой противостоятъ бесполезно. И главное – мы не устаемъ этому поражаться! – впадаютъ въ ярость, когда кто-то все-таки смѣетъ сопротивляться. Казалось бы, болѣе естественное чувство въ такихъ случаяхъ –

чувство благодарности. Дескать, я не рѣшаюсь, но какъ хорошо, что есть люди рѣшительнѣе меня... Въ общемъ, загадочный феноменъ, онъ еще ждетъ своего изслѣдователя. Ужъ не виктимный ли комплексъ – изобрѣтеніе современного психоанализа – даетъ о себѣ знать? Это когда жертва испытываетъ патологическую любовь къ своему мучителю.

Узаконенный произволъ

Ладно, оставимъ изученіе даннаго феномена болѣе искушеннымъ, нежели мы, психологамъ. Въ концѣ концовъ статья о другомъ: о томъ, каково жить въ мірѣ, отмѣняющемъ презумпцію невиновности.

Вотъ что еще мы нашли въ справочно-юридической литературѣ. Оказывается, «презумпція добродѣтели участникомъ правоотношеній закрѣплена въ законодательствѣ въ видѣ двухъ презумпцій: презумпціи невиновности (ст. 49 Конституціи РФ и рядъ статей УПК и КОАП РФ) и презумпціи разумности дѣйствій и добродѣтели участникомъ гражданскихъ правоотношеній (п. 3 ст. 10 ГК РФ). Роль этихъ презумпцій весьма велика. Можно сказать, что они являются одной изъ общеправовыхъ гарантій вынесенія законныхъ и справедливыхъ правопримѣнительныхъ рѣшеній».

Но тогда (дѣлаемъ уже свой логическій выводъ) отмѣна этихъ презумпцій гарантируетъ прямо противоположное – несправедный судъ, узаконенный произволъ!

Когда мы вплотную стали интересоваться практикой ЮЮ въ странахъ Запада, среди прочихъ намъ была рассказана и такая печальная исторія. Вкратцѣ она сводится къ тому, что въ семьѣ, гдѣ было трое дѣтей, жена зарабатывала намного больше мужа. Вѣрнѣе сказать, мужъ вовсе не работалъ, а жилъ на средства жены. Она много разъ просила его устроиться хоть куда-нибудь и, такъ и не дождавшись, подала наконецъ на разводъ. Мужъ, хоть и лѣнивый, но шустрый, когда дѣло касалось подсчета денегъ, рѣшилъ, что если оставить себѣ дѣтей, то на алименты вполне можно будетъ прожить и безъ трудоустройства. Судъ поддержалъ эту инициативу: ювенальная система нерѣдко поддерживаетъ людей сомнительныхъ моральныхъ качествъ. А чтобы дѣти не стали проситься къ мамѣ, расчетливый папаша обратился къ компетентнымъ психологамъ и началъ съ ихъ помощью настраивать дѣтей противъ матери. Ужъ эта-то технологія въ ювенальной системѣ отработана блестяще! Тѣмъ болѣе что маму (тоже стандартная технологія) къ дѣтямъ особенно не подпускали: свиданія давались рѣдко, на малое время, въ специальномъ центрѣ, подѣ неусыпнымъ наблюдениемъ сотрудниковъ ювенальныхъ службъ. Отецъ вкупѣ съ психологами достигъ желаемыхъ результатовъ. При современныхъ методикахъ психологическаго воздѣйствія это не составляетъ большаго труда. Вспомните хотя бы, что творится съ психикой жертвъ тоталитарныхъ сектъ.

Какое отчужденіе, а то и ненависть къ близкимъ формируютъ у нихъ сектантскія гуру! Если даже на взрослыхъ удастся такъ повлиять, что же говорить о дѣтяхъ, которые гораздо болѣе внушаемы и наивны?

Дѣти нашей героини, которые до всего случившагося любили ее и были очень къ ней привязаны, вскорѣ стали вести себя съ матерью такъ, что рѣдкія свиданія превратились для нее въ сущую муку. Мальчики демонстративно поворачивались къ ней спиной и утыкались въ журналы. А девятилѣтняя дочь, проявивъ недюжинную эрудицію въ вопросахъ сексопатологіи, и вовсе написала заявленіе съ просьбой избавить ее отъ встрѣчъ съ матерью, такъ какъ она (мать) лесбиянка и педофилка. Доказательствомъ служилъ тотъ фактъ, что когда заявительнице было 3 года, мама мыла ее въ ванной и терла ей спину мочалкой.

– Погодите! – прервали мы на этомъ мѣстѣ рассказчика.

– Но вѣдь нетрадиціонная ориентація не считается на Западѣ чѣмъ-то зазорнымъ! Скорѣе, наоборотъ...

Рассказчикъ усмѣхнулся:

– Въ томъ-то и смыслъ, что сотрудники ювенальныхъ службъ все что угодно истолковываютъ такъ, какъ имъ выгодно. Они вполнѣ официально передаютъ дѣтей на усыновленіе гомосексуалистамъ, да еще говорятъ, что лучшихъ родителей ребенку и сыскать невозможно. А когда надо оторвать дочь отъ родной матери, нормальную женщину обвинять во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и будутъ ханжески возмущаться ее несуществующими пороками.

(Сущая правда! Когда у нашей знакомой отняли восьмилѣтняго сына и отдали отцу-иностранцу, который бросилъ ее и завѣлъ другую семью, ювенальные службы дали ей такое объясненіе: «Мальчику вредно жить съ матерью-одиночкой, у него можетъ развиваться гомосексуализмъ».)

Это и есть произволъ въ дѣйствіи, вытекающій изъ того порядка вещей, который мы такъ пространно пытались описать въ нашей статьѣ.

Диссиденты нового типа и «социально-близкіе»

Итакъ, въ стремительно создающейся новой реальности подъ подозрѣніемъ оказываются всѣ, за исключеніемъ избраннаго круга создателей этой самой реальности. Но особо опасные потенциальные преступники, конечно, родители. Не наркоманы – имъ въ новой реальности даютъ режимъ наибольшаго попустительства: въ тюрьму не сажаютъ, принудительно не лечатъ, а напротивъ, бесплатно обеспечиваютъ одноразовыми шприцами и наркотикомъ-метадономъ, лукаво называя это «замѣстительной терапіей». Практически выводятся изъ-подъ

отвѣтственности несовершеннолѣтніе преступники. А въ послѣдніе годы – и болѣе взрослый контингентъ. Во Франціи, на примѣръ, какъ было рассказано однимъ изъ выступающихъ на франко-россійскомъ кругломъ столѣ, посвященномъ пенитенціарной системѣ (онъ проходилъ въ Посольствѣ Франціи въ Москвѣ 15 апрѣля 2010 г.), преступникамъ, которые сидятъ въ тюрьмѣ, предоставляютъ меблированные квартиры и позволяютъ принимать до пяти человекъ гостей въ день.

Даже педофилы, хотя это довольно трудно, стараются выгородить. Въ Голландіи уже зарегистрирована ихъ политическая партія. А по послѣднимъ даннымъ, такая же партія появилась и въ США. Зато родители притесняются все активнѣе. «Какъ понять рѣшеніе суда, обязавшее мать четырехлѣтней дочери предоставить совмѣстную опеку двумъ нянямъ ее ребенка? – пишетъ уже цитировавшаяся нами А. Липкина. – Послѣ несогласія женщину вообще заключили подъ стражу. И лишь когда ее дѣло дошло до Верховнаго апелляціоннаго суда, матери вернули единоличную опеку надъ дочерью».

Что ж, все логично. Богоборцы, пытающіеся утвердить въ мірѣ новый порядокъ, враждебный законамъ Творца, уже не скрываютъ, что одна изъ важнѣйшихъ задачъ на современномъ этапѣ – это радикальное сокращеніе населенія. Чѣмъ меньше будетъ людей на планетѣ, тѣмъ больше достанется главнымъ потребителямъ ее богатствъ. Соответственно, родители, посмѣшіе проявить дерзкое своеволіе и преумножить населеніе, это преступники, нежелающіе слѣдовать «генеральной линіи партіи». Особенно опасны «рецидивисты» – многодѣтныя. Отсюда и презумпція родительской виновности, и усиленный контроль надъ семьей, и широко используемая мѣра наказанія въ видѣ отнятія дѣтей. Ясно же, что если дѣйствительно захотѣли бы повысить рождаемость, то все дѣлали бы ровно наоборотъ: поднимали бы престижъ родительства, всѣми силами старались бы сохранить для ребенка кровную семью, максимально затруднили бы или вовсе запретили разводы, абортъ, развратъ, уважали бы неприкосновенность частной жизни и право родителей воспитывать дѣтей по своему разумѣнію. И ужъ, конечно, не спускали бы на нихъ всѣхъ собакъ, чуть что обвиняя въ ненадлежащемъ воспитаніи и жестокомъ обращеніи. А то вѣдь никакихъ матеріальныхъ пособій не захочешь, лишь бы не жить подъ колпакомъ ювенальныхъ службъ, не дрожать, какъ «заяцъ» въ троллейбусѣ, въ ожиданіи, что въ любую минуту можетъ войти контролеръ.

Ну, а какъ же сами-то контролеры? У нихъ вѣдь тоже могутъ быть семьи, дѣти. Выходитъ, они тоже неблагонадежны? Если провести параллель съ зоной – сегодняшніе охранники и даже лагерное начальство завтра могутъ стать зэками? Конечно, могутъ! Въ исторіи совѣтскаго ГУЛАГа все именно такъ и было. И

ювенальный ГУЛАГ уже являетъ подобные примѣры. По свидѣтельству актрисы Натальи Захаровой, на одном изъ собраній французскихъ родителей, насильственно разлученныхъ съ дѣтьми, выступила женщина, работающая въ ювенальной системѣ. Оказалось, что у нее недавно тоже отняли ребенка. «Представляете, какъ далеко все зашло, – сказала она, – если и до насъ уже добрались?!»

Впрочемъ, въ ювенальныхъ структурахъ работаетъ большой процентъ бездѣтныхъ людей. Причемъ, многіе – лица «нетрадиционной ориентации». И это неслучайно. Такіе люди для «новаго мирового порядка» наиболѣе благонадежны, потому что они и сами не склонны къ дѣтороженію, и родителямъ не сочувствуютъ, изымаютъ дѣтей безо всякихъ внутреннихъ бореній, «безъ страха и упрека».

Есть и еще одна группа благонадежныхъ. Это педофилы. Извращенцы, которые заинтересованы въ томъ, чтобы какъ можно больше дѣтей не находилось подъ охраной родителей. Для нихъ родители – злѣйшіе враги.

Такихъ «соціально близкихъ» элементовъ ювенальная система всячески покрываетъ и поощряетъ. Вѣдь развращенныя ими дѣти съ очень большой долей вѣроятности не создадутъ въ будущемъ семью. То есть въ полной мѣрѣ будутъ соответствовать политикѣ «демографическаго сдерживанія».

Презумпція любви

Въ концѣ зададимся вопросомъ: почему «презумпція виновности родителей» не только ни въ какія существующія юридическія рамки не вписывается (мы постарались показать, что она противоречитъ принципамъ уголовного и гражданскаго права), но и на эмоціональномъ уровнѣ воспринимается какъ нѣчто абсолютно противоестественное? Вѣдь ни въ одномъ традиционномъ обществѣ, ни въ одной традиционной религіи мы презумпцію виновности родителей не найдемъ. Неужели правозащитники, сотрудники органовъ опеки и тѣмъ паче педофилы (по-русски – «дѣтолюбцы»), которые такъ обласканы ЮЮ, въ дѣйствительности любятъ дѣтей больше, чѣмъ мама и папа?

По существу вопросъ этотъ религіозный. И неслучайно та ЮЮ, о которой мы столько пишемъ, стала насаждаться въ мірѣ одновременно съ активнымъ строительствомъ новаго мирового порядка, либеральнаго по отношенію къ половымъ извращеніямъ, агрессивно-богоборческаго, сатанинскаго.

Господь вложилъ въ родителей любовь къ своимъ дѣтямъ. Въ cadaго человека, независимо отъ его національности, вѣроисповѣданія, соціального статуса и уровня культуры. Это совершенно необходимо для продолженія жизни, для продлѣнія человѣческаго

рода, потому что больше всего неприятностей, переживаній и мукъ люди терпятъ именно отъ своихъ дѣтей. Съ самого начала, съ тяготъ беременности и родовъ. А вѣдь людямъ свойственно избѣгать боли и, наоборотъ, стремиться къ полученію удовольствія. Кто бы сталъ терпѣть столько страданій, если бы ихъ не покрывала родительская любовь?

Поэтому всегда предполагалось, что ужъ кто-кто, а родители плохого своимъ дѣтямъ не пожелаютъ. И тѣмъ болѣе не будутъ причинять имъ вреда. Если что-то съ ребенкомъ и стряслось (а безъ этого періодъ дѣтства не обходится), сильнѣе всѣхъ переживаютъ именно родители. Мать готова сама сунуть руку въ огонь, лишь бы обжегшійся ребенокъ не страдалъ отъ боли. И никому не приходило въ голову ее наказывать за то, что ребенокъ ушибся или что-то себѣ сломалъ, ибо предполагалось, что она больше всего наказана самимъ фактомъ случившагося. «До сихъ поръ не могу себѣ простить...» – вотъ съ чего, какъ правило, начинаютъ матери цѣлый списокъ самообвиненій.

А ужъ подозрѣнія въ умышленномъ причиненіи вреда выдвигалось противъ родителей въ самую послѣднюю очередь и только при наличии неоспоримыхъ доказательствъ. Слишкомъ чудовищной была мысль, что мать съ отцомъ могутъ быть врагами своему ребенку. По-настоящему враждебное отношеніе къ роднымъ дѣтямъ свидѣтельствуетъ объ очень серьезной психической патологии, о глубочайшемъ душевномъ и духовномъ поврежденіи. Да и то, поскольку любовь къ своимъ дѣтямъ вложена въ человека Богомъ, она можетъ совершенно неожиданно пробудиться въ тѣхъ, кто казался самымъ безнадежнымъ. Пробудиться, быть можетъ, независимо отъ ихъ сознанія. Вдругъ что-то мелькнетъ, шевельнется – и отъ враждебности не останется ни слѣда. Она исчезнетъ, какъ наважденіе. Да, собственно, это и есть наважденіе, морокъ.

Увы, такого юридическаго термина нѣтъ, но въ какомъ-то высшемъ смыслѣ въ основѣ семейнаго законодательства всѣхъ нормальныхъ обществъ лежитъ презумпція родительской любви. И задача государства, которое не хочетъ выродиться въ большую фашистскую зону, эту презумпцію неукоснительно соблюдать.

Ирина Медвѣдева, Татьяна Шишова

Я родилась въ результатѣ аборта

Джанна Дженсенъ
28 сентября 2010 г.

Джанна Джессенъ родилась въ 1977 году въ результатѣ солевого аборта. Страдаетъ ДЦП, Известный ораторъ, она посвятила всю свою жизнь проповѣди жизни и борьбѣ за права нерожденныхъ дѣтей. Порталъ «Православие и мир» перевелъ на русскій речъ Джанны накануне слушаній въ Австраліи о возможности лишать жизни выжившаго въ результатѣ аборта ребенка. Подготовили Юлія Зубкова, Анна Данилова, Михаилъ Гришечко

Квинсъ Холль, Мельбурнь

... Я усыновленная. Моей біологической матери было 17, какъ и моему біологическому отцу.

Моя мать рѣшила пойти въ «Planned Parenthood» (Планируемое Родительство) – самый большой абортарій, на седьмомъ съ половиной месяцѣ беременности, и ей посоветовали сдѣлать солевой абортъ на позднемъ срокѣ. Солевой растворъ вводится въ утробу матери, ребенокъ глотаетъ растворъ, растворъ выжигаетъ ребенка изнутри и снаружи, и мать должна родить мертвого ребенка въ течение 24 часовъ.

Ко всеобщему величайшему удивленію и шоку я родилась не мертвой, а живой. 6 апрѣля 1977 года въ клиникѣ Лось-Анджелеса.

Самое фантастическое въ этомъ времени

моего рожденія заключается въ томъ, что врачъ-абортіонистъ не заступилъ еще на смѣну, поэтому у него не было даже возможности дальше осуществлять свои планы на мою жизнь – то есть смерть...

Я знаю, что я нахожусь въ правительственномъ зданіи, въ прекрасномъ зданіи, и я люблю вашу страну, такъ же какъ и свою.

Но я знаю, что въ наше время, совершенно не политкорректно произносить имя Иисуса Христа въ мѣстахъ, подобныхъ этому. Неполиткорректно привносить Его имя въ подобныя собранія, потому что отъ Его имени людямъ становится ужасно неудобно.

Но я выжила не для того, чтобы всѣмъ было удобно. Я выжила для того, чтобы разбудить, чтобы растормошить.

И я прекрасно провожу время такимъ

образомъ.

...Итакъ, какъ я уже сказала, я родилась живой черезъ 18 часовъ. Я должна была быть слѣпой, я должна была быть обожженной, я должна была быть мертвой, но этого не произошло.

Знаете, было еще одно чудесное свидѣтельство – абортіонистъ долженъ былъ подписать мое свидѣтельство о рожденіи.

Я знаю его имя.

Сообщу скептикамъ, которые меня слушаютъ, въ моей медицинской картѣ указано «родилась во время солевого аборта», можете проверить....

Ха! Они проиграли.

Я собирала свѣденія о моемъ абортіонистѣ. Его клиники являются самой большой сѣтью клиникъ въ США, ихъ доходъ составляетъ 70 миллионъ долларовъ въ годъ.

Онъ говорилъ въ одномъ своемъ обращеніи пару лѣтъ назадъ, что «я абортировалъ болѣе миллиона младенцевъ и я считаю это своей страстью».

Я говорю вам эти вещи, потому что... Послушайте, дамы и господа, мы вступаемъ въ интересную битву въ этомъ мірѣ, осознаемъ мы это или нѣтъ. Это битва между жизнью и смертью.

На чьей вы сторонѣ?

...Итакъ, медсестра вызвала скорую и отправила меня въ больницу, что само по себѣ совершенно чудесно. Обычной практикой того времени (до 2002 года въ моемъ регионѣ) – было прекращать жизнь выжившаго въ результатѣ аборта ребенка. Сдавить горло, удушить, оставить умирать или выбросить его...

Но 5 августа 2002 года президентъ Бушъ подписалъ «Актъ о защитѣ дѣтей, рожденных живыми», чтобы такъ больше не продолжалось.

Вы видите, мы играемъ навѣрняка... Я надѣюсь, что къ моменту моей смерти меня будутъ ненавидѣть. Чтобы я смогла почувствовать Бога надъ собой и понять, что это значитъ – быть ненавидимымъ. Христа ненавидѣли. Я не то чтобы стремлюсь быть ненавидимой, я знаю, что меня уже ненавидятъ, потому что я борюсь за жизнь. Я говорю: вы не поймали меня, нѣмой холокостъ не побѣдилъ меня.

Моя миссія, дамы и господа, среди многого другого, слѣдующая: втянуть человечество въ эту дискуссію, которую мы просто заболтали, поставили на полку, сказали, это не проблема. Мы убрали свои эмоціи, мы стали жестче. Вы на самомъ дѣлѣ этого хотите? Что вы готовы вынести

и на что пойти, чтобы говорить правду въ любви и благодати, чтобы встать, чтобы хотя бы захотѣть быть ненавидимыми. Развѣ все въ этомъ мірѣ вѣртится вокругъ васъ? Или вокругъ меня?

... Послѣ всего этого меня отдали на срочное временное усыновленіе въ домъ, гдѣ рѣшили, что не очень меня любятъ. Я люблю говорить, какъ же вы могли меня не обожать съ самого начала? Что не такъ съ этими людьми? Но они не любили меня... Вы видите, я была ненавидима съ момента зачатія многими. И любима еще болѣе многими. Но особенно любима Богомъ.

ЯЕго дѣвочка. Не обижайте Божьяго ребенка. У меня знакъ на лбу, который напоминаетъ: будьте милы со мной, потому что мой Отецъ правитъ міромъ.

...Итакъ, меня забрали изъ плохого дома, и помѣстили въ другой домъ, прекрасный домъ, домъ Пенни. Пенни говоритъ, что къ этому времени мнѣ было 17 месяцевъ, во мнѣ было 14 кг «мертваго» веса, и у меня былъ діагнозъ, который я считаю даромъ, – церебральный параличъ. ЦП былъ непосредственно вызванъ недостаточнымъ снабженіемъ мозга кислородомъ въ процессѣ аборта...

А сейчасъ я просто вынуждена сказать это: если абортъ является однимъ изъ правъ женщинъ, дамы и господа, гдѣ были мои права въ тотъ моментъ?

Не нашлось ни одной радикальной феминистки, которая бы поднялась и завопила о томъ, что были нарушены мои права, и что моя жизнь фактически приносилась въ жертву во имя правъ женщинъ.

Дамы и господа, у меня не было бы церебрального паралича, если бы я не пережила все это.

Поэтому, когда я слышу отвратительный аргументъ, что должны быть аборты, только лишь потому, что можетъ быть ребенокъ будетъ инвалидомъ – ужасъ наполняетъ мое сердце.

Дамы и господа, есть вещи, которымъ вы сможете научиться только съ помощью болѣе слабыхъ. Когда вы уничтожаете слабыхъ, проигрываете именно вы. Господь позаботится о слабыхъ, но именно вы будете страдать вѣчно. И какое высокоомѣріе, какое совершенное высокоомѣріе въ томъ, что такъ долго было аргументомъ то, что сильные должны подавлять слабыхъ, должны опредѣлять, кому жить, а кому умирать.

Какое въ этомъ высокоомѣріе... Развѣ вы не понимаете, что не можете заставить свое сердце

биться?

Развѣ вы не понимаете, что вся сила, которой вы обладаете – не ваша? Это милость Господня поддерживает васъ, даже если вы ненавидите Его.

... Итакъ, они посмотрѣли на мою дорожку Пенни и сказали: «Изъ Джанны никогда ничего не выйдетъ». Такія слова всегда обнадеживаютъ!

И она рѣшила не слушать ихъ и занималась со мной три раза въ день, и я начала держать голову. Ей говорили – Джанна никогда не будетъ то, не будетъ это... Короче говоря, я стала ходить къ тремъ съ половиной годамъ съ ходунками и фиксаторами на ногахъ...

Я стою здѣсь сегодня, съ легкой хромотой, но безъ фиксаторовъ и ходунковъ.

Иногда я падаю граціозно, а иногда совсѣмъ не граціозно, въ зависимости отъ ситуаціи. Но я считаю все это славой Божьей. Видите, дамы и господа, я слабѣе чѣмъ многіе изъ васъ, но это моя проповѣдь.

И какая это малая цѣна за то, чтобы имѣть возможность благовѣствовать міру, какъ я, и давать надежду.

Я думаю, въ нашемъ невѣрномъ міропониманіи не постичь, какъ прекрасно можетъ быть страданіе.

Я специально не ищу страданія, но когда оно приходитъ, мы забываемъ, что все во власти Божіей и Богъ можетъ сдѣлать прекрасными многіе печальныя вещи.

...Я встрѣчалась со своей біологической матерью. Я простила свою біологическую мать. Я христіанка.

Она очень надломленная женщина. Она пришла на мѣропріятіе, которое я проводила два года назадъ, сразу послѣ того, какъ оно было объявлено, и сказала «Здравствуете, я ваша мать». Это былъ очень тяжелый день, и да, я терпѣла все это, вы навѣное считаете меня глупой, но я сидѣла тамъ и думала: «Я не принадлежу тебѣ, я принадлежу Христу. Я его дѣвочка, и я его принцесса...

Поэтому неважно, что ты говоришь въ своемъ гневѣ и надломленной бесцѣльной ярости, это не моя и я не буду это нести». Все это я говорила себѣ внутри...

Дамы и господа, у васъ есть шансъ.

На одинъ моментъ, очень кратко, я хотѣла обратиться къ мужчинамъ въ этой комнатѣ, и сдѣлать нѣчто, что никогда не дѣлается.

Мужчины, вы созданы для величія. Вы созданы для того, чтобъ встать и быть мужчинами.

Вы созданы защищать женщинъ и дѣтей,

не бездѣйствовать. Если вы знаете, что убійство это преступленіе, неужели ничего съ этимъ не будете дѣлать?

Вы созданы не для того, чтобы использовать женщинъ и и оставлять насъ однихъ. Вы созданы быть добрыми, великими, милостивыми и сильными и для того, чтобы постоять за что-то.

Потому что, мужчины, послушайте меня, я слишкомъ устала дѣлать вашу работу. Женщины, вы созданы не для того, чтобы васъ использовали, вы не должны сидѣть сложа руки, не зная себѣ цѣну.

Вы созданы для того, чтобы за васъ сражались. Всегда.

Итакъ, насталь вашъ часъ. Какими людьми вы хотите быть?

Я полагаю – невѣроятными, прекрасными. Я надѣюсь, мужчины, что вы не ударите въ грязь лицомъ.

Политикамъ, которые меня слушаютъ, и особенно мужчинамъ я бы сказала слѣдующее: вы созданы для величія – долой такую политику.

Вы должны защищать то, что правильно и хорошо.

Эта пламенная дѣвочка встанетъ здѣсь и скажетъ: насталь вашъ моментъ.

Какими мужчинами вы хотите быть? Одержимымъ своей собственной славой, или одержимымъ съ славой Божіей?

Настало время занять побѣдную позицію.

Насталь вашъ часъ. Богъ поможетъ вамъ. Богъ будетъ съ вами.

У васъ есть возможность прославить и почтить Бога.

Я закончу вотъ чѣмъ. Нѣкоторые изъ васъ, возможно, слегка раздражены тѣмъ, что все что я отъ васъ хочу – чтобы вы говорили о Богѣ и объ Исусѣ. Но какъ бы я могла идти прихрамывая по этому міру, и не отдать все свое сердце и умъ, и душу, и силу Христу, Который далъ мнѣ жизнь. Поэтому, если вы считаете меня глупой – это еще одинъ драгоценный камень въ моей коронѣ.

Цѣль моей жизни здѣсь – заставить Бога улыбнуться.

Надѣюсь, что-то изъ сказаннаго имѣло смыслъ. Это шло отъ моего сердца.

Да хранитъ васъ Божье благословеніе.

Cynicism is an Illness

Archimandrite Tikhon (Shevkunov)

Sretensky Monastery wakes up early: the interview with Fr. Tikhon starts at 8:30 a.m.! By this time, part of the day at Sretensky has already passed: the brothers' moleben has been served, the seminarians have finished breakfast; before class begins, they are at their obediences—some of them are sweeping the pavement outside the church, for example.

I am standing in the monastery garden, which is no less manicured than the Botanical Gardens. As I wait to be conducted to the abbot, I look at the faces of the seminarians and of the parishioners hastening to church on this ordinary weekday, not a feast day, at this early hour... Fr. Tikhon's reception room is spacious, with enormous bookshelves from which a portrait of Emperor Alexander looks at us; while on another shelf I see...

—See that picture of Metropolitan Laurus? It's a nice one, isn't it? It captures his facial expression exactly.

Yes, Metropolitan Laurus came to Russia from distant America many times in the guise of a simple monk, to travel to monasteries, and breathe in the faith.

Where has our faith gone? This is the subject of our conversation today with Fr. Tikhon.

—Fr. Tikhon, where has our faith gone, our need for Church services and prayer, our joy?

—Once, I was talking with Archimandrite Seraphim (Rosenberg). This was not long before his death. He was from a family of German barons; after graduating from Tartu University (Estonia) in the 1930's, he left for the Pskov-Caves Monastery, where he lived for sixty years. During this conversation, Fr. Seraphim spoke about monasticism. He said that the greatest problem of modern monasticism is the lack of resolve. Probably this could be said not only of monks, but also of many of our contemporary Orthodox Christians.

Resolve, courage, and the spiritual nobility connected with these qualities are noticeably lacking. But if people understand throughout their lives the most important thing—to go to God regardless of any obstacles and temptations, to be faithful to Him—they will not waver in their faith to the point of losing it.

This crisis of faith that you are speaking about is most obvious in our teenagers. From age eight to nine the children go to church, sing on the cliros, amazing and delighting everyone around them. But by age fourteen to sixteen, many, if not the majority, stop going to church.

—Why does this happen?

—The children were not acquainted with God. Of course, they were acquainted with the rites, the Church Slavonic language, rules of behavior in the church, lives of the saints, sacred history simplified for children. But no one acquainted them with God. The meeting never took place. So it turns out that the parents, the Sunday school,

and—sad as it is—the priest, built the house of their children's faith on sand (Mt. 7:26), and not on a rock—Christ.

How does it happen that children do not notice God despite the adults' most sincere efforts to instill faith in them?

How does it come to be, that the child does not find the strength in himself to see Christ the Savior in his life, in the Gospels? By answering these

questions to ourselves, we raise another adult problem which is reflected in our children as in a mirror. This is when both parents and priests teach one thing, but live another. This is the most terrible blow to the tender strength of a child's faith, and an unbearable drama for their sensitive awareness.

There are other examples. I could name them, but I especially remember this one: during my first trip to Germany in 1990, I received to my great surprise a good lesson from one priest, a Catholic. I was amazed by his congregation—very pure young people age sixteen to twenty, sincerely striving to live the Christian life. I asked this priest how he was able to guard these teenagers from the aggressive pressure of temptations and pleasures so normal to their peers in the West. He looked at me with complete perplexity. He said something that simply crushed me with its simplicity and clarity (I am very sorry that I did not hear this from an Orthodox priest): "They just love Christ more than all those pleasures!"

—And our situation is different?

—No, of course not! There are many shining examples amongst us, glory be to God. In our Sretensky Seminary I see remarkably pure and sincere young men; although of course, temptations happen—that is life.

—But they are youths. What about the people who come

Archimandrite Tikhon (Shevkunov).

Photo by Anatoly Danilov

to church as adults?

—What is the difference? Something similar happens to adults. We also tempt each other (in this case, the little ones the Savior describes are not necessarily children according to age) by our lukewarmness, our conscious transgressions of the Gospel commandments, by our impure life. Gradually, people get the impression that a Christian can live however he likes. If this happens, people who have come to the faith as adults gradually lose interest in spiritual life, and everything bores them. There is no real relationship with God, which means there is no life of the spirit. During the first three years or so of faith, Orthodoxy is interesting; a new life enthalls us and brings a mass of new impressions. Then comes everyday life.

Probably it is like family life. You have to labor, endure and endure—first of all, yourself. This really is hard. For those who have come to the faith at age, say, twenty-five, there are some fifty years of this work ahead. It has always been this way; no need to be surprised. This dryness is, as a rule, an inevitable stage of spiritual life. St. Theophan the Recluse for example writes much and interestingly about this. This is a segment of the path, a desert that we have to get through. Unfortunately, not all of our brothers and sisters get through this segment. Some even dig themselves into those barren sands with great pleasure forever; and it can be very difficult to work one's way out of them.

—Where does this dryness come from? A person does everything he is supposed to do—he goes to confession, recounts all of those things that he knows are called sins, reads the prayer rule, approaches the chalice; and the further he goes, the more this seems to be formalism, a mechanical action of “reading,” “standing through the service,” and “telling something at confession.” What should he do? What is the right thing?

—In Holy Scripture it is stated very expressly how to revive the soul, how to make the soul young and alive again. Seek God, and your soul shall live (Ps. 68:32). Seek God, no matter what! Stubbornly and persistently. Then the promise of the Lord Jesus Christ will be fulfilled: Seek, and ye shall find (Mt. 7:7; Lk. 11:9).

But if the search for God, the thirst for God, the desire to attain Him disappears, this is cause for very serious alarm. You have to labor and use any means to restore this desire in your soul. Without it, nothing good can come. Or, you may have to wait, as the parched earth waits for rain, for trials that shake up the soul, sickness, serious wounds, and temptations.

—But is this possible for the laity?

—For the laity? It is possible precisely for them! As Fr. John (Krestiankin) said, in our days, strong Christians are saved in the world, while weak ones are saved in monasteries. When you confess parishioners or talk with them, you see what amazing podvizhniks (ascetical laborers) there are among the laity, and we who call ourselves monks should learn from them.

I remember once during the mid 1980's, I was walking with Fr. John (Krestiankin) in the Pskov-Caves Monastery. Suddenly, an agitated young man ran up, “pale, with a heated gaze,” and began complaining loudly, “Batiushka, Moscow is such a disgusting city, a new Babylon! People are godless and terrifying!” Then Fr. John covered the man's mouth with his hand and said sternly, “What are you saying? In Moscow, forty Divine Liturgies are served every day, in forty churches! There are such amazing podvizhniks living unknown to the

world, somewhere on the eighth floor of a twelve-story block building! True saints, such as you cannot even imagine.” I was amazed at the time, because I thought that podvizhniks only lived in distant monasteries, somewhere on Solovki or in Egypt. But now—and this is the truth—I myself see remarkable podvizhniks, simple laypeople, who teach and save me by humbling me, and showing me how it is possible to live in our time in a truly ascetic way, as Christians.

—In what does this Christian life consist?

—In the fulfillment of Christ's commandment of love for God and neighbor.

These are ordinary people—women, youths, girls, and grown men. Not to mention the grandmothers, who read such prayer rules that when a monk hears about them—I tell you honestly—he feels uncomfortable. Moreover, they have been fulfilling these rules regularly for decades, with the absolute conviction that they are doing nothing special! A babushka reads so many kathismas for her eldest son, so many for the second, and so many for her youngest daughter. Then she says 1,500 Jesus prayers, just to get a feeling, if only a little, of her own sinfulness. Then the particular prayers of her prayer group, and an Akathist—how could she do without an Akathist?! I am telling you about the real prayer rule of a real parishioner. And such ascetics are innumerable! Besides this, they also work, go to the store, wash and iron clothes, and raise their children and grandchildren. But they are not proud or vain, they consider themselves to be nothing, and are ready at any moment to serve their neighbor. Just associating with such people is amazingly helpful for the faithless to find hope and resolve.

—But is true Christianity only in the reading of prayers?

—Of course not only in the reading of prayers. It is in the reading of prayers as living communion with God! Only, you have to understand that the form of prayer can widely vary. The holy fathers considered that spiritual life is determined by the quality and purity of prayer. However, it goes without saying that if a person thinks he prays, but he is cruel, and does not love people, then one can only pity him. You know, perhaps I am lucky, but it has been a long time since I have met such people.

—There are no few examples of young people who serve in the church, but whose families get no help from them...

—Well, sure, it happens that a person, as they say “goes Kronstadt.” He begins to delve into spiritual life and heads toward a bright goal, stepping over all of his poor relatives. This is what a spiritual father is for. There is time. There is misfortune. There is, finally, a fall. But I would not try to represent such grievous cases as today's norm. I would rather say that it is a childhood disease. Many have had the chicken pox, but not all are pockmarked.

—But many people these days talk about just such negative experiences...

—It has become bon ton in certain Orthodox circles to say that a person has “over-prayed”: he reads a prayer rule, canons, kathismas, and is just too pious. This is pronounced like a diagnosis. But we are taking the role of judge upon ourselves, for the most part not out of an abundance of spiritual discernment, but rather out of our own weak faith, slothfulness, and self-love. Out of self-defense, our lazy comfort consciously paints a picture of some Feropont from Brothers Karamazov—do you remember that cruel and foolish ascetic of Dostoevsky's?

You know, there is great danger in the fact that we eagerly over-emphasize and exaggerate such morbid instances, and use them, unnoticeably to ourselves, to defend our laziness and indifference. In general, such pernicious generalizations and wrongful stereotypes are circulating more and more in church spheres: if old ladies are churchgoers, then they're mean witches; if they are young people, then they have complexes; if they are adults, then they are unlucky in life; if they are altar attendants, then they have abandoned their families for the sake of the church; if they are monks, then they are money-grabbers and reprobates.

—**But this does happen to be the case sometimes...**

—Who would argue? You can't say that it never happens, that it's not true. However, why should you use a stubbornness worthy of better application to convince yourself and others that such a state of affairs is particular to our Church?

I once took a tour through Orthodox forums, and I was simply put out by how cynically and viciously Orthodox people, who consider themselves quite educated in religious matters, relate not only to the clergy, whom they disdain utterly, but even to the most pious laypeople.

—**They say, "Orthodoxized" and "Orthodoxy of the brain"...**

—These terms, I'm afraid, have not come from somewhere out there, but from within Orthodox spheres. Only one of "our own" could jab with such sophistication. Nevertheless, these phrases have gained enthusiastic popularity in our midst. This is a truly alarming phenomenon in our Christian community. Furthermore, we ourselves gradually begin to look at ourselves and at those around us through a prism of such humiliating descriptions.

—**To act in accordance with traditional piety has become... not comme il faut?**

—Do you remember how Tolstoy in his stories, *Childhood*, *Boyhood*, and *Youth* spoke remarkably about *comme il faut*, how it mercilessly affected his life? Now (fortunately only in fringe circles of the Church, because you simply can't call these people religious), an Orthodox *comme il faut* is developing, and if a person does not fit into it, he's a social outcast, an absolutely despicable person.

Thus do we arrive at cynicism, and essentially to the source of that same sickness of indifference with which Christians have been infected since the time of the Laodicean Church. The enemy power, which gathers momentum through spiritually tepid Christians within the Church, is infinitely more dangerous than any outward force, more dangerous than persecutions.

We teach our students to never, under any circumstances, become "Orthodox *comme il faut*." After all, they themselves do not notice how they lose their faith, how they become careerists, and how all values in their lives completely change.

People of the older generation often say when they get together, "How great it was in the sixties and seventies, what faith there was!" We say this not only because we are getting grumbly in our old age, but because that is how it really is. In those days, there was external opposition to the Church from the state, but we were together, and treasured each other. "Orthodoxized" would have been a term conceived in the enemy camp. "Orthodoxy of the brain" could have been uttered only by Emelian Yaroslavsky.[i] An Orthodox person would never have used or repeated such expressions. But now they

are heard in Church spheres, people show them off, and are proud of them!

—**Why does this attitude form?**

—What is happening? People have come to the Church, but have only come to love it partially. Gradually, years later, they are aware in the secret recesses of their souls of a terrible truth: they relate to Orthodoxy with deep contempt. A terrible sickness takes hold of them—traitorous cynicism akin to the deed of Ham. People around them get infected with it one way or another. After all, we are indeed one organism—the Church; and therefore we have to resist this disease somehow.

When the Orthodox encountered this sort of thing during soviet times, they understood that this was "from our enemies," "from the adversary." Now, lessons in contempt and arrogance are coming more and more from people in the Church. We know what the bitter fruits of these lessons are.

—**Not a happy prognosis...**

—One can only recall the words of St. Ignatius Brianchaninov, when he said that, "Apostasy is allowed by God: do not attempt to stop it with your feeble hand." Later, however, he writes, "But remove yourself from it, and guard yourself." Don't be a cynic.

—**Why? After all, cynical remarks are sometimes to the mark...**

—Sobriety and sharp-witted jibes aimed at a stupid or insolent person to put him in his place, or in order to guard someone from excessive exaltations, are perfectly permissible. But cynicism and Christianity are not compatible. At the basis of cynicism, no matter how it tries to justify itself, is only one thing: unbelief.

One day, I was able to pose one and the same questions to two different ascetics—Fr. John (Krestiankin) and Fr. Nicholas Gurianov: "What is the main illness of contemporary Church life? Fr. John replied at once, "Unbelief!" "How could that be?" I protested. "And what about the priests?" He again replied, "For the priests also—unbelief!" Then I went to Fr. Nikolai Gurianov, and he gave me the very same answer, independently of Fr. John: unbelief.

—**And unbelief turns into cynicism?**

—People cease to notice that they have lost faith. Cynics have entered the Church, live in it, are used to it, and do not much want to leave it because it has all become habitual. And how will others view it? Very often cynicism is a disease of professional Orthodoxy.

—**But often cynicism is just the defensive reaction of a very vulnerable person who is unsure of himself, who has been insulted or deeply hurt...**

—How, for example, does the exhibit "Banned Art" differ from Perov's painting, "Tea party in Mytischy"? In the banned art is repulsive cynicism, while in Perov's painting is reproach—pain and reproach for which we should be thankful.

Some *podvizhniki* could say something very tough; for example, St. Leo of Optina. Even now, we have a remarkable Archpriest in Moscow who can joke so sharply that it knocks you out. But no one would even think of calling him a cynic, because his jokes have no meanness in them.

—**When I read the memoirs of M. Nestorov, I always catch myself thinking that today he would surely be laughed at. For example: "My mother was at the Iveron Chapel. Her purse with**

A Tea Party in Mytishi. Vasily Perov, 1862.

money was stolen, but at least she was able to venerate [the icon]. People would immediately say he's "Orthodoxized"...

—Twenty years ago we would say of such a person, "Lord, what faith, how good that is!" Today, however, prosperity with relation to Orthodox Faith has become no small trial for Christians. Do you remember in the book of Revelations, Because thou sayest, I am rich, and increased with goods, and have need of nothing; and knowest not that thou art wretched, and miserable, and poor, and blind, and naked (Rev. 3:17)? Our faith has become scarce, and therefore many people get tired of being Orthodox from looking at us. They are still going on the inertia from their first love; they still remember how much they received in the Church, and hope yet to receive grace.

—How can we orient our spiritual life correctly?

—The most joyful thing in Christian life is discovering something new. Remember how joyfully you woke up on Sunday morning at the Liturgy, how you read the holy fathers in one gulp, and were always discovering something new. If the Gospels do not

reveal anything to us, it only means that we have closed ourselves to new discoveries. Remember Christ's words to the Church of Ephesus: "Remember your first love" (cf. Rev. 2:4-5).

Anna Danilova spoke with Fr. Tikhon
Text prepared by Anna Danilova and O. Utkina
Archimandrite Tikhon (Shevkunov)
01 / 10 / 2010

[i]Emelian Yaroslavsky, born Minei Israilevich Gubelman, was a communist ideologist and editor of the satirical journal, *Bezbozhnik* (The Atheist, the Godless). He led the League of the Militant Godless, and headed the Anti-Religious Committee of the Central Committee of the Communist Party.

<http://www.pravoslavie.ru/english/39306.htm>

17-го октября, 2010 года:

**Чествование
приходского хора
Краткій молебенъ послѣ
Божественной Литурги
и обѣдъ
въ церковном залѣ.**

17th of October, 2010

**Our parish choir
is honored
Thanksgiving Service af-
ter Divine Liturgy &
Dinner in the church hall.**

“Parish Bulletin”

**Holy Ascension Russian Orthodox Church,
Diocese of San Francisco and Western America,
Russian Orthodox Church Abroad.**

Address: 714 — 13th Street, Sacramento, CA 95814. Telephone: (916) 443-2271. FAX (916) 443-5079
Sisterhood: (916) 446-7473.

Website: <http://www.holyascensionchurch.com>

Rector: Rev. Paul Volmensky, home (916) 443-2271 Choir conductor: Catherine Volmensky (916) 320-1316
mobile (916) 730-2680 Head Sister: Veronica Klimoff (916) 362-8567
Church Warden: Leonty Naumov (916) 308-1918 Cemetery Treasurer:

**The Holy Ascension Russian Orthodox Church
714 -- 13th Street
Sacramento, CA 95814**